

Три года спустя.

Сяо Сюй, помощник и по совместительству секретарь Лу Тинфэна, вёз машину в сторону офиса, когда случайно скользнул взглядом по тротуару — и замер. Ему показалось, что глаза обманывают; он притормозил, взгляделся внимательнее — и сердце пропустило удар: неужели это... он? Хэ Ян?

Он знал, что они развелись. Знал, что Хэ Ян сразу после развода уехал из Пекина, не задержавшись ни на день. Знал, что его босс с тех пор словно подменили: молчаливый, замкнутый, он превратился в настоящего трудоголика, порвал все связи с той самой звездой, ни с кем не встречался, никуда не ходил — только работа и дом, дом и работа.

Сяо Сюй не раз задавался вопросом: не связано ли это с разводом? Слишком уж явно всё совпало. А однажды, зайдя в кабинет, он увидел на столе Лу Тинфэна их свадебную фотографию — и почувствовал, как внутри кольнуло. Кто, скажите на милость, станет хранить фото с бывшей женой после развода? Выкинул бы — и дело с концом. Если только... если только он не жалеет о том, что сделал.

Но если встреча с Хэ Яном стала для Сяо Сюя неожиданностью, то то, что произошло дальше, и вовсе повергло его в состояние лёгкого шока. Из-за угла, со всех своих коротеньких ножек, выбежал ребёнок — смешной, пухлощёкий, в ярко-синем комбинезоне. Он подлетел к Хэ Яну, обхватил его за ногу и закричал звонко, на всю улицу: «Папа! Папа!»

Сяо Сюй заморгал. Папа? Откуда? Значит... он снова женился?

Сяо Сюй взглянул на часы, чертыхнулся про себя и, отогнав все мысли, нажал на газ. Он опаздывал на совещание. Но образ — Хэ Ян с ребёнком на руках — застрял в голове, как заноза.

Хэ Ян подхватил Сюаньсюаня на руки, усадил на скамейку в сквере и, достав платок, аккуратно вытер ему нос — тот вечно пачкался, стоило только ребёнку чуть-чуть разгорячиться.

— Весело было? — спросил он, глядя в сияющие глаза сына.

Маленький узелок закивал так усердно, что пухлые щёки затряслись, и, сияя во весь свой беззубый пока рот, ответил своим детским, ещё не до конца выговаривающим слова, голоском:

— Ве-се-ло! О-чень!

Сюаньсюань никогда раньше не был в Пекине. Он не видел таких огромных, уходящих в самое небо домов, таких широких дорог, по которым непрерывным потоком неслись машины, таких толп людей, спешащих неизвестно куда. Когда они вышли из самолёта, его чёрные, как две

спелые вишни, глаза расширились от восторга. Он вцепился в отцовский палец и залепетал, крутя головой во все стороны:

— Папа! Смотли! Кра-си-ва! А это что? А это? А люти?

Хэ Ян смотрел на сына и чувствовал, как внутри разливается тепло — такое знакомое, такое родное. Он поклялся себе три года назад, что никогда больше не вернётся в этот город. Но обстоятельства оказались сильнее. Ради Сюаньсюаня он был готов на всё.

Поиграв, малыш устал. Он прильнул к Хэ Яну, зевнул и прошептал:

— Папа... пойдём домой...

Хэ Ян знал: его маленький комочек устал и хочет спать. Он не стал его расспрашивать, просто подхватил на руки и зашагал к дому.

Они жили в однокомнатной квартире в старом, полуразвалившемся доме, который вот уже лет десять обещали снести, но никак не могли собраться. Хэ Ян и раньше, три года назад, снимал жильё в этом районе — и тогда, и сейчас здесь пахло сыростью, жареным луком из открытых окон и какой-то въевшейся в стены безысходностью. Но выбирать не приходилось: здесь было дёшево, настолько дёшево, насколько это вообще возможно в Пекине, где каждая свободная койка в общежитии стоила как приличная квартира в провинции.

Сюаньсюань уснул у него на плече, едва они вошли в длинный, тёмный переулок. Хэ Ян нёс его осторожно, стараясь ступать как можно тише, поднимаясь по скрипучей, проваливающейся лестнице, где каждая ступенька, казалось, норовила выскользнуть из-под ноги. В этих старых домах стены были такие тонкие, что любой звук, любой шаг отдавался гулким эхом. Соседи, работающие в ночную смену и спящие днём, не стеснялись жаловаться хозяину на любой шум.

Квартира была на пятом этаже. Хэ Ян тихо отпер дверь, вошёл, аккуратно, стараясь не разбудить, уложил сына на кровать, включил старенький, дребезжащий вентилятор и укрыл малыша тонким одеялом. Сюаньсюань что-то пробормотал во сне, перевернулся на другой бок и затих.

Пора было готовить ужин. Хэ Ян прошёл на крошечную кухню, поставил рис, принялся чистить овощи.

Ужин был почти готов, когда в дверь постучали — настойчиво, по-свойски. Хэ Ян вытер руки о фартук и открыл. На пороге стоял Ли Гуанбинь с упаковкой пива в одной руке и пакетом, из которого торчали аппетитные свёртки, в другой.

— Ты чего не предупредил? — всплеснул руками Хэ Ян, пропуская его внутрь. — Я бы купил чего-нибудь, на стол бы накрыл...

— Да ладно, не парься, — Ли Гуанбинь махнул рукой, поставил пиво в угол, а пакет сунул Хэ Яну. — Я вон пол-утки купил по дороге. Заодно и поужинаем. Кстати, где Сюаньсюань?

— Спит. — Хэ Ян кивнул в сторону комнаты. — Я водил его сегодня на детскую площадку, он там набегался, устал, вот и вырубился.

— Ребёнок — он и есть ребёнок, ему положено играть, — Ли Гуанбинь улыбнулся. — Тем более здесь всё другое, новое. Не то что в нашем захолустье.

Они ещё немного поговорили о работе, о ценах на продукты (в Пекине всё дорожало с каждым месяцем), о том, как изменился город за эти три года, — и вскоре последнее блюдо было готово. Пар из кастрюль поднимался к потолку, смешиваясь с запахом жареной утки и чеснока.

Хэ Ян зашёл в комнату и осторожно, едва касаясь, погладил сына по голове.

— Сюаньсюань, просыпайся, — шепнул он. — Кушать пора.

Маленький обжора, если его не покормить вовремя, мог проснуться среди ночи и устроить самый настоящий пир, уплетая всё подряд и набивая свой маленький животик до отказа. Хэ Ян не боялся, что ребёнок переест, — дети быстро растут, им нужно много энергии. Но вот несварение желудка посреди ночи, когда аптек рядом нет, а до больницы ехать час... этого он допустить не мог.

Сюаньсюань сонно приоткрыл глаза, потер их кулачками, смешно сморщил носик и, увидев склонившегося над ним отца, тут же расплылся в счастливой, беззубой улыбке.

— Папочка! — пролепетал он, протягивая пухлые ручки и смешно перебирая пальчиками в воздухе, словно пытался ухватить отца за нос.

Хэ Ян поднял его, усадил на маленький стульчик и завязал слюнявчик, чтобы не испачкать одежду.

— Дядя Гуанбинь! — Сюаньсюань, заметив гостя, приветливо помахал ему ручкой.

Ли Гуанбинь потрепал его по пушистой головке.

— Молодец, умница. Давай, кушай скорее, а то всё остынет.

Ужин был простым — три обычных блюда да суп. Жареная утка, куриные крылышки в коле, зелень и томатный суп с яйцом.

Но Сюаньсюань не был привередой. Он уплетал всё подряд с одинаковым аппетитом, а когда ему особенно нравилось какое-то блюдо, он начинал довольно раскачиваться на стульчике и мотать головой в такт своим мыслям, показывая всем своим видом, как это вкусно.

Малыш был сосредоточен на еде, а взрослые тем временем вели свой разговор.

— Ты на стройке работаешь, это тяжело, — говорил Хэ Ян, подкладывая себе овощей. — И добираться к нам — полгорода пересечь. Не надо так часто приезжать, правда. Вот освободишься — приезжай. Я сам могу с Сюаньсюанем к тебе приехать.

— Нормально, — отмахнулся Ли Гуанбинь, пряча глаза. — Я же знаю, как тебе с ним нелегко. Один, без поддержки. Буду приезжать, мало ли что случится, помогу, если надо.

Хэ Ян отложил палочки и посмотрел на друга — так серьёзно, как умел только в те редкие минуты, когда речь заходила о чём-то по-настоящему важном.

— Гуанбинь, — голос его звучал тихо, но твёрдо. — Я очень тебе благодарен, ты же знаешь. Если бы не ты... сам не знаю, как бы мы выкручивались. — Он помолчал, подбирая слова. — Но ты посчитай: каждая такая поездка — это пятьдесят-шестьдесят юаней только на такси. А если сюда прибавить ещё и продукты, которые ты каждый раз тащишь... Это деньги. Не маленькие.

Ли Гуанбинь открыл рот, чтобы возразить, но Хэ Ян остановил его жестом.

— У тебя сейчас у самого положение не сахар. Ты на стройке пашешь, под солнцем, с утра до ночи. Это же кровные, потом и кровью заработанные. Не надо их так тратить. Побереги себя. Пожалуйста.

Ли Гуанбинь молчал, глядя куда-то в стену. Хэ Ян видел, как дрогнули его желваки, как он сглотнул, прежде чем медленно кивнуть, пряча глаза.

— Да... — голос его звучал глухо. — Я понимаю. Ты прав. Ладно, договорились. Буду приезжать, когда выходной. Реже.

— Вот и хорошо. А я тогда с Сюаньсюанем к тебе буду приезжать. Он по тебе скучает, всё время спрашивает, где дядя Гуанбинь.

Ли Гуанбинь улыбнулся — той самой своей кривоватой, но искренней улыбкой, от которой у Хэ Яна всегда теплело на душе. И, словно вспомнив что-то важное, спросил:

— Кстати, ты на ту работу ходил? Устроился?

— Ага, сегодня утром был. Собеседование прошёл. Завтра выхожу.

— Отлично! — Ли Гуанбинь даже по столу хлопнул от радости. — Молодец! Я же говорил — получится.

Эту работу Ли Гуанбиню подсказал его коллега по стройке, дядька с прокуренными усами и вечно уставшими глазами. Сказал, что у него родственник держит логистическую компанию в районе Третьего кольца, и ему позарез нужны люди. Работа, конечно, тяжёлая, грузчиком, зато зарплата и условия хорошие — официальное оформление, соцпакет, даже премии дают.

Ли Гуанбинь, не раздумывая ни секунды, набрал Хэ Яна. Тот был тогда далеко, в родном городке, сидел на веранде и смотрел, как Сюаньсюань гоняет по двору соседскую кошку.

— Приезжай, — сказал Ли Гуанбинь коротко. — Работа есть. Хорошая.

Хэ Ян положил трубку и долго смотрел в окно на знакомые с детства холмы. Возвращаться в Пекин... в город, который он поклялся забыть, где его унижали, где он стоял на коленях, где его сердце разбили на мелкие осколки. Но ради Сюаньсюаня, ради этого маленького чуда, которое сейчас спало в соседней комнате, он был готов на всё.

Он собрал вещи и отправился в Пекин.

<http://bllate.org/book/16098/1572352>